

Бо Цинъянь велела Бай Мяню оставаться здесь и залечивать раны, строго запретив выходить на улицу без разрешения.

Сама же она часто уходила днем, а иногда упражнялась с мечом прямо во дворе, раз за разом заставляя Бай Мяна заливаться ярким румянцем. По ночам же она обнимала его и так они отдыхали.

Бай Мянъ считал такие дни очень счастливыми, хотя у него порой возникали и вопросы: «Почему мне кажется, что я — это уже не я? Словно я от рождения был всего лишь котлом Секты Цинъюнь, а вовсе не заурядным Бай Мянem?»

[Поскольку у реципиента высокий показатель заурядности и сильная податливость, после получения воспоминаний он почти полностью превратился в другого человека. В то же время это означает, что реципиент принял данные воспоминания и переживания, то есть всё зависит исключительно от самого реципиента.]

[Все тела, которые реципиент получает в мирах быстрого перемещения, созданы из энергетических скоплений, заброшенных пространством быстрых перемещений. К пятнадцати годам вместимость памяти этих тел достигает предела, поэтому требуется, чтобы реципиент взял управление на себя. У этих тел нет душ, так что после того, как реципиент берет их под свой контроль, их можно считать его собственным телом.]

[Кроме того, поясняем: в мирах быстрого перемещения реципиент не ограничен системными рамками, а Система Блаженной Беременности поможет каждому реципиенту, пожелавшему избавиться от одиночества, обрести много жен и великое счастье.]

— Д-да, хорошо.

Спустя несколько дней Бо Цинъянь забрала Бай Мяна с собой и отправилась в город Цинло на Состязание по мечу.

Состязание по мечу проводилось раз в десять лет и было великим событием в мире бессмертных. В этом году его принимал у себя город Цинло, поэтому улицы уже давно были переполнены, повсюду толпились заклинатели из самых разных мест, а в чайных и винных лавках только и говорили, что о победах и поражениях на сегодняшних аренах.

Бо Цинъянь вошла в город вместе с Бай Мянem в самый разгар полудня.

На ней были белые одежды, черные волосы собраны на макушке в высокий хвост, а от всего ее облика веяло холодом, подобным чистейшему инею и снегу. На поясе висел длинный меч, и с первого взгляда было очевидно, что она принадлежит к числу практикующих меч. В полушаге от нее следовал юноша.

Юноша уродился на редкость хорош собой — кожа бела как снег, брови и глаза мягкие, уголки глаз чуть опущены вниз, словно он был создан для того, чтобы вызывать жалость и сострадание. На нем были совершенно новые зеленые одежды из превосходной ткани, отчего его лицо казалось еще более миниатюрным. Вот только походка у него была какая-то странная: казалось, будто у него болят ноги, ступал он легко и осторожно, а время от времени ему приходилось прислоняться к стене, чтобы перевести дух.

При этом он был донельзя послушным: не жаловался на боль, не сетовал на усталость, а лишь изредка поднимал глаза на белую фигуру впереди, и в его сияющих глазках плетилась ничем не скрытая радость.

Бо Цинъянь шла небыстро, но и не ждала его.

Бай Мянй плелся следом, ковыляя и догоняя ее; догнав, он ничего не говорил, а просто послушно шел рядом, словно маленькая собачка, сопровождающая хозяйку.

Однако вскоре Бай Мянй заметил неладное.

Кто-то смотрел на него.

Нет, очень многие.

Люди на террасах чайных лавок, на улице, прохожие, остановившиеся поглазеть — все эти взгляды падали на него так, будто разглядывали какую-то диковинную редкость.

— Это тот самый котел, что спас Цаньжэнь Бо?

— Тц-тц, с такой-то внешностью, неудивительно...

— Тсс, тише, Цаньжэнь Бо ведь заклинательница меча Стадии Зарождающейся Души, как бы не услышала.

Эти голоса звучали не громко и не тихо — как раз так, чтобы долететь до слуха Бай Мянй.

Бай Мянй опустил глаза и ускорил шаг, стараясь догнать спутницу, чтобы оставить эти разговоры позади.

Но чужие взгляды липли к нему, от них было не избавиться.

Совсем как тогда во внутренних горах.

Совсем как в тот день, когда его отдали.

Он опустил голову, втянул плечи, сжавшись в крошечный комочек, и изо всех сил пытался сделать так, чтобы его присутствие стало как можно менее заметным.

И все же эти взгляды преследовали его, осматривая с макушки до пят и с пят до макушки.

Глаза Бай Мяна защипало.

Он поднял голову и посмотрел на белую фигуру впереди.

Госпожа шла небыстро, но и не оборачивалась на него.

Он не знал, слышала ли она те слова.

И не смел спросить, боясь, что госпожа думает точно так же.

Место проведения Состязания по мечу располагалось на арене в самом центре города Цинло.

Будучи победительницей прошлого состязания, Бо Цинъянь, разумеется, имела право на отдельное почетное место. Когда она провела Бай Мяна и усадила его, вокруг уже сидело немало людей — все они были элитой из различных сект и направлений.

Увидев Бо Цинъянь, эти люди один за другим поднимались и отвешивали ей поклоны. Завершив приветствие, их взгляды неизменно падали на Бай Мяна, стоявшего за ее спиной.

Бай Мян опустил голову и след в след следовал за Бо Цинъянь. Отыскав местечко в самом углу, он сел и сжался в комочек, желая лишь одного — чтобы никто его не замечал.

Но те люди все равно его увидели.

— Цаньжэнь Бо, а это кто? — с улыбкой поинтересовался кто-то.

Бо Цинъянь ответила равнодушным тоном:

— Подобрала.

Подобрала.

Бай Мянью опустил голову, судорожно вцепившись пальцами в край одежды.

Вокруг раздалось несколько сдержанных смешков, и в этом смехе сквозило такое, что он слишком хорошо понимал.

— Цаньжэнь Бо поистине добра, — снова произнес тот же человек. — Только... будьте осторожны, Цаньжэнь. У людей с телом котла грязно на душе и теле, как бы не подцепить какую-нибудь скверну.

Скверну.

Лицо Бай Мянью побледнело, и он уткнулся подбородком в грудь еще глубже.

Бо Циньянь ничего не ответила.

Она не стала опровергать эти слова.

Глаза Бай Мянью зажгло еще сильнее, он изо всех сил сдерживался, не позволяя слезам пролиться.

— Циньянь!

Раздался звонкий, задорный голос.

Бай Мянью поднял глаза и увидел направляющуюся к ним женщину-заклинательницу в красных одеждах. Она держалась с лихой молодецкой удалью, а на поясе у нее красовался короткий кинжал.

— Цзян Лин, — слегка кивнула Бо Циньянь.

Цзян Лин была старой знакомой Бо Циньянь, в юности они вместе проходили через испытания и закаляли характер, так что их связывала глубокая дружба. Она плюхнулась на сиденье рядом с Бо Циньянь и, переведя взгляд на сжавшегося в углу Бай Мянью, приподняла брови.

— Это тот самый сбежавший раб-котел из Секты Циньюнь, которого ты подобрала по дороге?

Весть о пропавшем у Секты Циньюнь котле уже давно гремела повсюду: чтобы возместить убытки, они даже объявили щедрую награду, но никто и помыслить не мог, что спасителем окажется первая среди нынешнего молодого поколения в искусстве меча.

Бо Циньянь лишь произнесла:

— Угу.

Цзян Лин с ног до головы окинула Бай Мяна взглядом — совершенно не скрываясь, предельно прямо.

От этого бесцеремонного взгляда по спине Бай Мяна пробежали мурашки, и он еще сильнее вжался в угол.

— Лицо и впрямь неплохое, — отвела взгляд Цзян Лин и повернулась к Бо Цинъянь. — Но послушай, Цинъянь, тебе стоит хорошенько всё обдумать. Те, у кого тело котла, с самого детства воспитываются в подобных местах — кто знает, скольких людей они уже обслуживали? Такие продажные шкуры грязны, зачем ты держишь его подле себя? Для забавы, чтобы развеять скуку, еще куда ни шло, но таскать его повсюду с собой... подумай, что скажут люди, останется ли у тебя хоть капля доброго имени?

Продажная шкура.

Скольких людей обслуживал.

Лицо Бай Мяна сделалось белым как бумага, его пальцы в мертвенной хватке впились в ткань одежды так, что побелели суставы.

Ему хотелось возразить, хотелось крикнуть, что с малых лет его держали взаперти во внутренних горах и он никогда и пальцем не касался ни единого человека. Но слова застряли в горле.

Даже если бы он сказал, разве кто-нибудь поверил бы?

Взгляды, которыми эти люди награждали его, никогда не видели в нем живого человека — лишь товар.

Грязный товар.

Он опустил голову и не смел поднять глаз ни на кого.

А у самого уха продолжал звучать голос Цзян Лин:

— Если тебе так нужен кто-то прислуживать, я могу прислать тебе парочку чистых и непорочных слуг. К чему подбирать такое... тц.

Бо Цинъянь наконец заговорила, ее голос прозвучал ровно и бесстрастно:

— Цзян Лин.

— М?

— Ты слишком много болтаешь.

Цзян Лин на мгновение замерла, а затем рассмеялась:

— Ладно-ладно, молчу. Но Цинъянь, я ведь желаю тебе добра. У тебя во всем безупречный вкус, кроме одного — в людях ты совершенно не разбираешься. Эта дрянь тебя недостойна.

Тебя недостойна.

Пальцы Бай Мяна дрогнули.

Он поднял голову и посмотрел на Бо Цинъянь.

Ему так хотелось, чтобы госпожа хоть что-нибудь ответила. Пусть даже бросила бы банальное: «Хватит об этом». Пусть просто взглянула бы на него.

Но Бо Цинъянь смотрела лишь на арену.

— И то верно, — произнесла она.

Ее голос звучал легко и равнодушно, словно она обсуждала сегодняшнюю погоду.

— И впрямь недостойна.

<http://bllate.org/book/22395/2350069>